

Виктор Коган-Ясный

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ-2

2003–2005 годы

Москва
РДП «ЯБЛОКО»
2006

В этом сборнике помещены статьи 2004–2005 гг. Ранее часть из них была опубликована в научно-культурологическом интернет-журнале «Релга» (Ростов-на-Дону) и на сайте www.yavlinsky.ru. В печатном виде публикуются впервые. Безусловно, материалы недостаточны, неполны и содержат неточности. Приношу мои извинения.

Автор

На цветной вклейке фотографии автора книги.

Корректор: И. Осипова

Художник: Л. Суханов

В. Коган-Ясный. Политические этюды-2.— М.: РДП «ЯБЛОКО», 2006.

Подписано в печать 05.04.2006 г. Формат 60x88/8. Объем 7,5 п.л.

Печать офсетная. Тираж 1 500 экз.

Отпечатано в ООО «ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ», Москва, ул. 5-я Кабельная, 2а.
Заказ № 1553/б.

© В.В. Коган-Ясный, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

В России после 7 декабря 2003 года: политические будни и драмы нового периода -----	5
Большая Европа. Некоторые размышления на тему новой реальности после расширения Европейского союза -----	24
Гражданское общество и политика. Из выступления на семинаре Центра Улофа Пальме в Великом Новгороде 20–21 ноября 2004 года -----	41
Опыт поездки в Европейский парламент в связи с темой Чечни. Опубликовано в электронном журнале «Релга» -----	47
Почему с государственной точки зрения, нельзя отменять льготы тем, чьи возможности ограничены -----	51
Запад – Восток: годы восьмидесятые, девяностые, двухтысячные. Написано по просьбе Фонда имени Генриха Белля -----	53
Кое-что об обществе и власти. 9 ноября 2005 года -----	59

В РОССИИ ПОСЛЕ 7 ДЕКАБРЯ 2003 ГОДА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ БУДНИ И ДРАМЫ НОВОГО ПЕРИОДА

Событие

7 декабря 2003 года в России произошло драматическое событие: каковы бы ни были тому причины, во время выборов в 4-ю Государственную Думу единственные две политические партии открыто либерально-западнической ориентации, «ЯБЛОКО» и «Союз правых сил», потерпели сокрушительное поражение и как фракции не будут представлены в новом парламенте. При этом пропрезидентская партия «Единая Россия» одержала тотальную победу и получила в новой Думе около 320 голосов. Новый парламент становится фактически однопартийным и теряет всякую самостоятельную роль (если только модернизированный аналог КПСС вдруг не войдет в серьезное противоречие сам с собой). Президент и его партия при желании получают возможность без какого бы то ни было внешнего контроля любым образом менять все российское законодательство и изменить конституционный строй.

Трагедии это событие пока не принесло. Никто не умер непосредственно вследствие изменения политической реальности. Трагедии были раньше: нищание большинства в результате авантюристических реформ, вооруженный «конфликт властей» в Москве в 1993 г. с сотнями жертв и с образом расстрелянного парламента в памяти страны, армяно-азербайджанская, таджикская, абхазская и первая чеченская война, терроризм, вторая чеченская война, десятилетие политических убийств и внесудебных расправ. «Демократическая» Россия, плюралистическая, парламентская, — принесла себе в жертву многие десятки тысяч жизней.

На протяжении всех прошедших двенадцати лет и политически, и методологически большинство и власть были на стороне тех, кто сейчас укрепил свои позиции до формального абсолюта и полностью объеди-

нил большевизм с капитализмом. (Говорят, такое хотел в 1953 году сделать Берия). Так что удивляться нечему.

Конечно, все те, кто долго пытался действовать в рамках системы, не терял надежду что-то изменить в ее рамках, отстаивать «противовесные» принципы в рамках диалога с высшей властью и парламентских процедур, сейчас переживают очень сильный стресс, прощаются с эпохой. С эпохой своего осторожного оптимизма, основанного на надежде на свои небольшие политические силы, с эпохой, казалось, незыблемого, некоторого относительного влияния при сохранении своей независимости, относительного жизненного благополучия, статуса, защищающего себя и позволяющего защищать других. Очень сильный стресс переживает так или иначе вся активная часть российского общества. Несомненно, с уходом из Думы либерального меньшинства в количестве всего-навсего человек тридцати миллионы людей разом почувствовали себя еще более оскорбленными и незащищенными, чем раньше.

Перейдет ли стресс в серию новых трагедий — пока не может сказать никто.

Почему так случилось?

Политики и эксперты, которые живут в России и, в общем, имеют представление о том, как здесь все устроено, с трудом допускали подобный результат, означающий существенное изменение политической реальности. Более того, организация предвыборной кампании и ее ход вселяли под конец оптимизм, а отношения с президентом никак не свидетельствовали, что он заинтересован в полной утрате символической оппозиции со стороны независимых либералов. Признаки неотвратимого поражения не ощущались, хотя, разумеется, это на самом деле, может быть, и есть самое важное, ни надежд, ни планов на серьезную победу у либералов не было и быть не могло.

Вопрос о сохранении плюралистической политической реальности или же ее крушении все четыре года от прошлых выборов «вертелся» вокруг темы преодоления 5-процентного барьера каждой из либеральных партий, а отнюдь не вокруг какой-то более масштабной задачи. Было понятно, что все решат какие-нибудь 1, ну 2, ну 3% в ту или другую сторону, а не какой-то значимый запас прочности, которого с очевидностью не было. В такой ситуации одновременно и необходимо, и несколько стыдно говорить о фальсификации результатов. Необходимо — потому что если она имела место, то она изменила политическую реальность и посредством нее миллионы людей, мужественных избирателей, оказались ограблены. Стыдно — потому что судьба российского плюрализма и представительства прозападного либерализма со всей

очевидностью зависела от этих несчастных нескольких процентов и потому была по своей природе совершенно незащищена: что же это за «судьба демократии», если ее можно перечеркнуть колебанием на 1 или на 3%. Впрочем, когда 1% — это миллион человек, вряд ли можно даже самому себе ответить, чего больше в разговоре о фальсификации, необходимости и ответственности в защите избирателей или неловкости.

Ряд фактов говорит в пользу фальсификации, ряд — против. Оставим этот очень существенный, но теперь не главный вопрос тем, кто ведет кропотливый независимый пересчет результатов, будущему общественному мнению и, наверное, истории.

Посмотрим на другие объективные и субъективные причины того, что произошло. Серьезность проблемы оправдывает некоторое углубление в историю и политическую философию.

Советский Союз и Восточная Европа в конце 1980-х годов были странами массового и социально очень обширного стилевого и политического андеграунда. При том что практических диссидентов было очень немного, самые широкие слои людей не скрывали свое разочарование неэффективной тоталитарной постсталинской системой управления с «марксистско-ленинской» идеологией и единообразным серым советским образом жизни. Формальное вынужденное участие в ритуалах советской жизни, в том числе и формальное членство в коммунистической партии и коммунистической молодежной организации не мешало (а подчас и способствовало) формированию оппозиционного режима мышления, а политическая дискуссия при застолье или на кухне с резкой критикой существующего строя стала еще более «обязательным» атрибутом образа жизни, чем партийное, комсомольское, профсоюзное собрание и политинформация. Советской серости и обязаловке естественно противопоставлялись свобода, а также ряд стилевых атрибутов западного образа жизни. Конечно же, «западные» атрибуты в СССР и социалистическом лагере распространялись неравномерно. Их было больше в восточноевропейских странах. Внутри Советского Союза они в своем безыдейном либеральном ракурсе стиля проникали в первую очередь в городскую культуру балтийских республик, Украины, Белоруссии, других союзных республик, самой России — прежде всего в Ленинград и Москву. В консервативно-либеральном виде внесоветский прозападный андеграунд формировался в городской и сельской религиозной среде. Когда Рейган сказал, что Советскому Союзу нужна свобода, и он будет жить так же, как Запад, а Горбачев с ним до некоторой степени согласился, то в Прибалтике, западной Украине, Киеве, Минске, и — что совершенно принципиально — в Ленинграде и Москве уже «все было готово». Нас позвали в свободный мир, и мы туда пошли. Кто-то хотел прямо и быстрее, кто-то через туманный этап конвергенции, но эта разница никакого принципиального значения не имела. Как только Горбачев разрешил, на политический Запад со спринтерской

скоростью убежала Восточная Европа. А дальше произошел «облом». Когда с советским коммунизмом в 1991 году было покончено, то до того щедрый на обещания Запад во главе с США счел свою политико-бытовую задачу решенной и обернулся скуповатым. Второй «план Маршала» если и состоялся в том или ином виде, то только для ограниченного числа стран. Почти весь бывший Советский Союз оказался за экономической, да и политической чертой. Россия с формальными политическими обязательствами и правами СССР, но в рамках меньшей территории с разрушенной экономикой и лишенная советской многокультуральности, стала маргинальной империей, «Полинезией с ядерными боеголовками». Эта «ядерная Полинезия» во главе с бывшим кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС, а потом яростным антикоммунистом Ельциным стала фактически в полуизолированном состоянии пытаться проводить рыночные реформы экономики. Руководителями реформ стали люди марксистского воспитания и мироощущения, которые видели мир в представлениях экономического «базиса» и общественной «надстройки». Они заявили — уж не знаю, совсем ли всерьез или все-таки немного в шутку, что появится потребительский рынок и тогда будет все остальное: частная собственность, производственная конкуренция, справедливость, свобода, право, доброта, бескорыстие... Они так же, как и классические большевики, говорили, что часть народа от реформ умрет, но зато другим станет хорошо. Поскольку дела пошли именно в таком направлении, то очень мало кому захотелось оказаться именно среди обреченной части народа. И если обещание заполнения товарами потребительского рынка обернулось действительно очень быстрым повсеместным появлением шоколадок «Марс», а конкуренция отечественных производителей стала ощутимой в многообразии марок кондитерских товаров и водки, то слова о правах человека, свободе и демократии сопровождались сварами в ведомствах, интригами взаимной компрометации, войной между «ветвями власти», наконец — насилием. За «Марс» и фиктивное право участия в приватизации государственной собственности посредством ничем не обеспеченных приватизационных чеков пришлось платить гиперинфляцией и обесцениванием сбережений, сделанных подчас за десятилетия советской трудовой жизни и отложенных «для внуков» или «на похороны». Производство и продажа бензина стали давать по несколько трупов к открытию новой точки заправки. Россия тогда обещала всем народам у себя и за своими пределами защитить свободу и справедливый мир, и в Москву немедленно устремились все жаждущие мира купить бесхозное советское оружие, которое стало потребительским товаром наряду с шоколадом «Марс». И если когда-то диссиденты, которые открыто говорили о пороках коммунистического общества, с большой вероятностью оказывались с позором в лагерях, то теперь те, кто осмеливался открыто, предметно и доказательно говорить о коррупции, имели большой шанс отправиться с большим государственным почетом на кладбище. Ответ-

ственность России за свободное и мирное развитие демократических рыночных народов в ней самой и в соседних братских государствах обернулась участием в несметном числе войн от Таджикистана до Закавказья, Ингушетии и, наконец, до Чечни. Рынок на разорении и на крови и демократия на тех же основаниях не могли вызвать ничего другого, кроме массового отторжения и обиды. Западные лидеры поддерживали Ельцина как единственно возможного для себя сильного лидера далекой, но опасной страны, а Ельцин им не перечил до тех пор, пока в НАТО не решили без него разобраться с косовским кризисом, а он отомстил очень опасной контригрой поддержки Милошевича. Эта ситуация истощила в российском массовом сознании последнюю каплю восхищения Западом. Наступил перелом, Запад снова стал если не прямым врагом, то зоной активного недоверия. Выступать за «западные ценности» стало неловко, некомфортно и с точки зрения публичной политики весьма нецелесообразно.

В ситуации «тлеющей холодной войны», когда вдруг пришлось вспомнить о возможностях России как силы, способной разрушить «общемировые» планы, Путина, пусть и не без колебаний, приняли безоговорочно как человека, который держит Россию и ее оружие под контролем и который в обмен на свободу действий внутри России (и, возможно, по-соседству) не будет мешать планам США, НАТО, Евросоюза и, более того, выступит по отношению к ним в ограниченной, но существенной мере, в качестве военно-политического партнера. Конечно, трагедия 11 сентября, толерантность Путина к американской позиции по ПРО, а затем и по Ираку дали такому отношению очень серьезный толчок. Но дело пошло гораздо дальше. Дух «реальной политики» одержал безоговорочную победу.

При этом США и Евросоюз поразила экономическая стагнация. Причина некоторых (пусть и небольшого числа) экономических проблем людей, живущих в России, оказалась не в ней, а на Западе.

Война в Ираке, «ось зла», образ евробюрократии, которая не может «переварить» ни один существенный вопрос. Да еще воспоминание о выборах в США. Это политический фон и политический портрет Запада, который имеет перед собой каждый, как теперь говорят, россиянин.

Сразу же после 7 декабря Блэр, Шредер и Ширак, а вслед за ними Буш очень пронзительно поздравили Путина с его победой на выборах. Тема закрыта, — хотя внимательный наблюдатель заметил, что «потока приветствий» от всех без исключения стран вовсе не последовало. И такой наблюдатель, наверное, испытал симпатию к странам, нашедшим в себе мужество проявить политическую пассивность.

Вот, собственно, уже почти вся сказка про обреченность современного российского западничества, особенно того, которое было самым наивным, самым искренним и идеалистическим.

Осталось дорассказать немного.

Отказ от советской тоталитарной серости, от «регулярности» советской жизни и подчинения начальству как образа жизни, переход на иной стиль для такой страны, как Россия, — процесс очень медленный. Даже если бы все было настолько благополучно, насколько это только может быть на земле и в государстве, все равно Россия теперь, через всего-навсего 12 лет после падения официального коммунизма и распада СССР, продолжала бы быть постсоветской страной, как остаются постсоветскими ее более удачливые соседи. (А в этом не только негативные моменты сохраняющегося «совка», но и очарование динамизма, инициативы, неожиданность проявления нравственных импульсов, вряд ли так присущих «старому Западу».) Западническое колыхание Москвы и Ленинграда, произведшее революцию конца 80-х — начала 90-х, имело шанс лишь довольно медленно распространяться по всей России. По причинам, описанным выше, такое распространение затормозилось, трансформировалось, потеряло свою цельность и идею. Но оно не исчезло вовсе и не остановилось. Причина простая: стилевой альтернативы либеральному Западу в России попросту не существует.

Где же обычный русский человек, разочарованный, задавленный проблемами, в достаточно изолированной от мира полуглуши может увидеть не тот Запад, который стал вновь чужим, обманчивым, агрессивным, но «Запад», которого он не так боится, который для него по-прежнему привлекателен и, если не совсем «свой», то, во всяком случае, не «чужой», и своим образом продолжающий подавать какую-то прежнюю не угасшую надежду? Ответ, на мой взгляд, прост, несколько парадоксален и несет с собой весьма непонятную перспективу: такой «русский Запад» сейчас — это Путин. Путин — совершенно привычный советский лидер, строгий, не колеблющийся, и он же — западник и по вектору его политики, и по стилю поведения в той самой мере, в которой этого хочет абсолютное большинство «россиян». Путин, в котором западничество не есть часть идеологии, а ограничено стилем и в образе которого во всем гораздо больше от русского мелкобуржуазного аполитичного индивидуализма и дисциплины по принципу «ты меня не тронешь, я тебя не трону».

Конечно, если бы не страх, если бы по телевизору всерьез показывали кого-то еще, если бы идейные либералы не были маргинализированы всей жесткой внутренней политикой Путина, его полным контролем над всеми политически значимыми СМИ, если бы все, что происходит в стране, все позиции и решения не ассоциировались исключительно с одним человеком, то ход политики был бы совершенно иным и иными были бы результаты выборов. А так — великолепно сработала схема «слона и моськи». Слон — он и в меру жесткий, и либеральный. И при этом он **ОДИН ТАКОЙ**. Что же еще нужно? И даже если ты видишь, что «слон» вовсе не такой, каким ты хочешь его видеть, если ты ему не доверяешь, то ты все равно видишь в виртуальном политическом мире

телевидения и газет в серьезном изображении только его и его «доверенных лиц», а всех остальных все равно показывают несерьезными мелкими «моськами», которые лают на слона, а он на них не обращает внимания (или обращает по своему собственному усмотрению). Все четыре года правления Путина было абсолютно понятно, что в стране так или иначе существуют только те политические направления, которым Путин дает право выжить. Поэтому, если ты не находишься в политизированной среде Москвы, Петербурга и еще нескольких территорий или же не живешь тем, чтобы внимательно следить за выступлениями именно тех политиков, которых показывают мало и меньше всего, если ты не размышляешь о российской политике как о явлении твоей личной ответственности, то ты сейчас на выборах, скорее всего, либо голосуешь «за Путина», либо просто на них не идешь. 7 декабря на выборы по официальным данным не пришла почти половина избирателей, а по неофициальным — больше половины.

Несколько дней назад, уже в «новую» эпоху после 7 декабря, я был в Нижнем Новгороде. Я увидел, может быть, и не бедный по российским понятиям, но очень запущенный город, где мне — в моей стране — было довольно трудно ориентироваться на вдрызг разбитых тротуарах, в скользких подземных переходах, среди архаичного транспорта и плохого городского освещения, в гостинице не 2003 года, а эдак 1992-го. У меня было ощущение, что приветливые люди встречают меня как иностранца, разговаривают со мной, москвичом, в таком тоне, в каком я бы, наверное, когда-то рефлексивно говорил с занятым русским эмигрантом из Парижа или Нью-Йорка. И вот в гостиничном кафе я застал следующее. Был включен телевизор, по нему без звука шла программа «Вести». Стали передавать церемонию вступления в должность (на четвертый уже срок) московского мэра Лужкова. Парадный зал московской мэрии. Приехал Путин. И я слышу, как какая-то женщина просит включить звук. Может быть, это случайность. Но мне показалось, что Москва, ее атрибуты, ее феерия, и, может быть, президент, который является ее неотъемлемой частью, служат тем образом достижимого благополучия и достижимой личной свободы, который далек, не совсем свой, где-то почти столь же далекий и чужой, как и Запад, но все-таки ближе, доступнее, лишен связанного с Западом огромного психологического напряжения, при этом обладает ореолом власти и способен внушать надежду.

Если что-то лучше, то это он так сделал, а если беда, если катастрофа, если совсем плохо — кто исправит, оппозиция, что-ли, нет, конечно же, только власть, потому что только у нее все на это полномочия; она, власть, и есть все государство, и больше никого нет, и — за кого же еще голосовать?..

Фактор Путина, который представляет собой феномен его существования как единственной фигуры общегосударственной власти в услови-

ях провала практической стороны общероссийских либеральных реформ, при ликвидации реально независимой, свободной в плане поведения и финансирования публичной политики и какой бы то ни было независимости всех политически значимых СМИ — на фоне охлажденных, безопасных и в то же время сугубо прагматично-чиновничьих отношений России с США и Европейским союзом, — этот фактор и послужил основной объективной предпосылкой прекращения реального парламентского представительства прозападных либералов (4–5 человек, прошедшие по одномандатным округам, это, понятно, увы, не в счет, как бы сами они ни хотели доказать обратное).

Есть, однако, еще и другие причины поражения, лежащие не вовне либеральных движений, а внутри них. Остановлюсь на двух таких причинах, которые лично мне известны.

Первая состоит в том, что и «ЯБЛОКО», и «Союз правых сил» были задуманы и реализованы как партии публичной политики в ситуации, когда таковая так или иначе активно существовала. «ЯБЛОКО» было партией публичной демократической оппозиции Ельцину, его войнам и милитаризму, его авторитарности, его экономической политике (которую разрабатывали и реализовывали будущие члены «Союза правых сил»). СПС — это партия людей, которые при Ельцине составляли экономический блок правительства и несли ответственность за существенную часть политики страны (иногда они дистанцировались от некоторых решений Ельцина). Короткое время в 1994 году предшественник СПС движение «Выбор России» отчасти выступало даже в роли правящей партии. И при Путине обе партии, пусть и совершенно по-разному, пытались реализовать себя через политическую трибуну и через попытки участия в управленческих процессах на уровне федеральной власти. «ЯБЛОКО» объявляло недоверие правительству, дискутировало с президентом и давало ему советы, проводило через Думу свои предложения по законам и при этом дорожило каждым выходом на телевидение, чтобы объяснять свою позицию. СПС, явно стоя особняком от путинского стиля, тем не менее интегрировался в его управленческие структуры, взял под свой контроль некоторые важнейшие государственные посты и получил практически неограниченный доступ в целый ряд СМИ. СПС стал, таким образом, чем-то вроде внутренней стилевой оппозиции собственно внутри режима. И ни у той, ни у другой партии не было серьезного инструмента прямого реального диалога с людьми, методов отстаивания интересов каждого, кто в этом нуждается, простых и понятных всем реальным предложениям защитить и помочь, адресованных не обществу в целом, а совершенно конкретным людям. Это надо было делать в условиях страны бедных незащищенных людей с многовековой патерналистской традицией даже тогда, когда публичная политика существовала, и тем более — когда она потеряла свое значение. Виртуальной политике Путина можно было противопос-

тавить только политику реальных конкретных ответственных дел, реального общения и создания собственной независимой среды. Задача такая была исключительно трудная, и нет никаких гарантий, что ее бы дали решать в масштабах страны. Скорее всего — нет, ничего бы не получилось. Но партии ее не ставили, и поэтому они несут свою ответственность за то, что одна из них выглядела группой симпатичных, честных, но наивных московских «начальников» из Думы, а другая — публичными жуликами, циниками и ловкачами, которых народ, люди вообще не интересуют. (Мне вообще очень трудно ставить «ЯБЛОКО» и СПС в один ряд, но я заставляю себя это делать исходя только из одного формального критерия: это обе открыто западнические, «проевропейские» партии.)

«Демократы» не продемонстрировали, что они как оппозиция или полуоппозиция способны на государственном уровне защитить чьи-либо совершенно конкретные интересы. От власти, в российском традиционном итоге виртуального сознания, оказалась «способной» защищать сама же власть или ее близнецы.

И здесь неизбежно нужно коснуться следующего фактора поражения: раздробленности «западников» и их изнурительной борьбы между собой. Здесь, я уверен, целиком вина лежит на фактическом лидере СПС Анатолии Чубайсе. «Союз правых сил» во главе с Чубайсом — это та партия, которая с несправедливыми и авантюристическими ельцинскими экономическими реформами, в результате которых в России сформировался бандитский по сути и маргинальный по характеру участия в мировых индустриальных процессах капитализм. Именно их действия в огромной степени обусловили общественное отторжение самого понятия «демократические реформы», именно их политика в огромной мере способствовала приходу такого человека, как Путин. В отношении Путина часть из них заняли осторожно-оппозиционную позицию, работая в Думе и предлагая альтернативные проекты локального характера (например, преобразований в армии), а часть — и при Путине осталась на высших постах исполнительной власти, пытаясь стать знаменем «технократического либерализма» и знаком либерального стиля «возле Путина». Анатолий Чубайс, который до этого провел безоговорочно несправедливую приватизацию и стал ее символом, все четыре года Путина руководил крупнейшей государственной энергетической монополией РАО «ЕЭС» и приобрел уже абсолютно дурную славу в связи с тем, что по стране в больницах, роддомах, войсковых частях, тюрьмах, в обычном жилом фонде за то, что кто-то из предприятий, расположенных по соседству, не платил за электроэнергию (или якобы не платил), электроэнергию отключали. В критических ситуациях люди от этого умирали, в не критических — оставались без света и тепла из-за того, что Чубайс сводил «капиталистические счета» с соседними предприятиями, находящимися на той же линии электропередачи. Бедных людей

либерал и капиталист Чубайс просто брал в прямые заложники своей политики или, если хотите, ставил в положение расстреливаемого «живого щита» (что, кстати, вполне в духе «общепутинской» ментальности).

«Другие» демократы и западники из «ЯБЛОКА», учитывая остроту ситуации, опасность крутого поворота всего политического вектора, при подготовке к выборам 2003 года готовы были многое забыть, не вспоминать о фундаментальных спорах 90-х годов. Было очевидно, что все западники должны быть если не вместе, то где-то рядом, желательно — в одной предвыборной коалиции. Но также было очевидно, что участие в этой коалиции высокопоставленного «нового путинца» и отключателя света и тепла Анатолия Чубайса совершенно невозможно. Чубайсу следовало не участвовать в политике, а если участвовать, то тогда уйти с руководства РАО «ЕЭС» и все равно, ввиду своей абсолютно одиозной репутации, оставаться где-то в тени. Но он сделал совершенно другой выбор. Он решил стать главной публичной фигурой «Союза правых сил». В таких условиях никакой союз, никакая коалиция, даже никакое дружественное взаимодействие стало абсолютно невозможным. Избиратель «ЯБЛОКА» не верит Чубайсу на 100 процентов, и любая «дружба» с ним могла обернуться действительно тотальным и окончательным провалом, из которого для политиков из «ЯБЛОКА» точно бы уже не было никакого выхода на будущее. Но Чубайс этого понять не смог и примерно за полгода до выборов инициировал в связанных с ним СМИ разнузданную пропагандистскую кампанию против «ЯБЛОКА» и Явлинского. На «ЯБЛОКО» шли потоки политической клеветы, а Интернет и ряд изданий ломались от «информационных сообщений» о частной жизни в Лондоне сыновей Явлинского (об имуществе старшего и учебе младшего). Практически все лозунги «ЯБЛОКА» немедленно перехватывались СПС. Все это носило настолько активный и нарочитый характер, что — пусть я и лицо заинтересованное — считаю, что имею уверенность и право сказать, что СПС активно решал свои электоральные проблемы за счет «ЯБЛОКА». Чубайсу и его коллегам это никак не помогло, а вот «ЯБЛОКУ», уж скорее всего, помешало. (Из нюансов следует также упомянуть, что Чубайс последние дни перед выборами активно полемизировал с вновь созданной группой «Родина», называя ее представителей «фашистами», чем, возможно, привлек к ней дополнительное внимание и сочувствие и дал возможность отобрать голоса и у «ЯБЛОКА».)

Итак, на важнейший вопрос, а была ли возможна коалиция «ЯБЛОКА» с СПС, я, как и год назад, даю сейчас однозначный для меня ответ: если бы не Анатолий Чубайс, то да. Неубедительно? Пожалуй, не будьте высокомерны, не считайте, что вы со стороны видите все лучше и что более общая картина без деталей более объективна и точна, чем наша детализованная. Это не так: в данном случае общий взгляд со стороны — он лишь более «смазанный».

Чего ждать?

Ситуация стала, конечно, гораздо труднее. Замкнутый круг беспомощности демократической и правозащитной линии стал еще более отчетливым. Решать что-то глобально мы никогда ничего не могли. Но сейчас нет нескольких десятков думских мандатов — нет возможности писать и подписывать письма, от предложений президенту до ходатайств в милицию о регистрации выходцев с Кавказа — нет статуса «помощника депутата», позволявшего достаточно безопасно вести наблюдательскую работу в «горячих точках» или просто заступиться за кого-то в городской сваре — нет денег и т.д. Совершенно непонятно, как хоть в какой-то мере можно теперь защитить чьи-либо интересы и реализовать, оправдать себя как общественной силе.

И если и раньше на всех этапах судьба российского плюрализма так или иначе зависела от воли высшего руководителя по принципу «дозволено — не дозволено», а уж Путин-то сделал весь бизнес и все значимые СМИ абсолютно лояльными себе, то теперь действительно — не знаю, насколько — политическая судьба России на 100% в его руках и зависит от его решения. Путин сейчас может все, что только захочет. Теоретически, еще больше может то образование, которое называется партия «Единая Россия». Имея больше 300 голосов в Думе, она связана с Путиным «честным словом» и послушанием, как аппарат КПСС был связан с Хрущевым, Брежневым и Горбачевым. Варианты, как такая связь работает, мы знаем из истории. Вряд ли Брежневу приходилось очень отдыхать за все свои восемнадцать лет в Кремле. Впрочем, пока «Единая Россия», которая по арифметике может и менять законы без Путина, и сместить его, ни малейших явных признаков непослушания не проявляет.

Какую атмосферу Путин скамандует создать — такой она, в общем, и будет. Скамандует прислушиваться к партиям вне парламента и к правозащитникам — будут прислушиваться, скамандует наоборот — будет наоборот. Если, что очень вероятно, ничего не скамандует — будет какая-то каша, безусловно, ближе ко второму варианту. Остается только ждать и готовиться к чему угодно.

Россия — такая страна, в которой власть может сохранять свои позиции практически сколь угодно долго, используя лишь виртуальные, лишённые какого-либо адекватного содержания, «пиаровские» методы собственного существования. Власть, если хочет, может заботиться лишь о собственной безопасности и о собственном «пиаре», при этом ее никто не тронет, а жизнь в стране будет идти по своим собственным правилам.

Такая ситуация власти «междусобоя» может стать похожа на хунту, которая следит лишь за лояльностью себе внутри самой себя и вблизи, а за столицей племени и группировки как себе жили, так и живут, газет

не читают, телевизор не смотрят. Племенами хунте заниматься бессмысленно, поэтому она занимается сама собой, и в ней министр, скажем, путей сообщения, не железнодорожник, а генерал, потому что генерал это заслуженный и оставить его без высокой должности министра никак нельзя. И заместитель его — тоже генерал, и по тем же причинам. Профессионал с транспортным образованием — разве что стрелочник, потому что иначе, когда генералы поедут на поезде, то он сойдет с рельс.

Чтобы никаким государственным властям не было слишком обидно, скажу, что, по моим ощущениям, правила «хунты», «междусобоя» и связанной с этим коррупции и обмана весьма прочно вошли во всю культуру современного управления, менеджмента и разъедают ее, как тяжелая болезнь.

Вот, собственно, пока что, и все. Очень прошу не считать этот конец слишком грустным. Люди бывают лучше своих идеологий, своих политических моделей, в том числе и люди во власти. А избиратели уж давно лучше того «электорального поведения», которое они демонстрируют.

Москва. На Большой Черкизовской улице. 2004 г.

Москва. Улица 1-й Магистральный тупик. Весна 2005 г.

Москва. Улица Снайперская
(в районе Кускова).
Весна 2005 г.

Москва. Черкизово.
Весна 2005 г.

Москва. Над древним Черкизовским прудом.

Москва. Улица Большая Коммунистическая. Ресторан «Грот».

Москва. Площадь Рогожской заставы. Конец Большой Коммунистической улицы, начало улицы Сергея Радонежского. Весна 2005 г.

Москва. Двор Мосгорсуда (Дворца правосудия). В небольшом здании, судя по надписи, помещается концерт «Монарх». 4 ноября 2005 г.

БОЛЬШАЯ ЕВРОПА

Некоторые размышления на тему новой реальности после расширения Европейского союза

Состоявшееся 1 мая 2004 года официальное расширение Европейского союза — политический факт такого редкого типа, который на взгляд сегодняшнего российского либерала (в широком смысле) напрашивается только на положительные оценки и с политической, и с экономической, и с исторической точек зрения. (Не в счет — очень печальное недоразумение с Северным Кипром, но это, хочется верить, сейчас уже почти технический вопрос, требующий лишь времени.)

Восемь стран Восточной Европы, из которых четыре напрямую контролировались Советским Союзом, а три входили в его состав (*de facto*, — для крючкотворов и педантов) вместе со «старой» объединенной Европой, чьи контуры сформировались еще в конце сороковых — начале пятидесятых годов, смогли преодолеть политическую и историческую несправедливость Ялты 1945-го. Они получили шанс на кардинальную модернизацию цивилизационного стандарта в очень новых для себя условиях.

Решение, конечно, политическое: всем понятно, что, кроме Мальты и (с натяжкой) Кипра и Словении, никто из новых членов ЕС не отвечает и вряд ли в близко обозримой перспективе будет отвечать всем установившимся западно-европейским стандартам. Но это своевременное решение: дальше тянуть с вопросом о статусе восточно-европейских стран было, пожалуй, действительно нельзя.

Закончен период подготовки и связанных с этим смен «витрин» и «экстерьера» этих государств, рывков в сторону выполнения «условий Брюсселя», довольно мелочной политико-бюрократической торговли вокруг того или иного «приземленного» вопроса. Уже не нужно наблюдать забавную картину, как восточно-европейские руководители стоят в советской очереди к европейскому микрофону, чтобы еще и еще раз попросить новых «старших братьев» принять их в свои «доблестные

ряды». Закончился период «улаживания споров» с Россией, когда чиновники ЕС и России примерно в одинаковой мере уходили от решения важнейших проблем простых людей, по большей части заменяя решение одни декларациями, а другие — пропагандой, и когда правовая неизбежность ЕС вместе с политической вульгарностью и просто глупостью тех, кто принимал ряд конкретных решений, порождали ощущение нарастания враждебности «расширяющейся Европы» к России и ее гражданам, а зритель российских государственных телеканалов все время сталкивался с неадекватно навязчивыми пропагандистскими новостями относительно антироссийской позиции Брюсселя или стран-кандидатов, будь то визы, тарифы, транзит, проблемы экспорта и импорта или же аспект русского языка.

Теперь тряски, присущей периоду подвешенности, не будет. И не будет возможности на этом ловить всякую рыбу собственной мелкой выгоды. Не будет столь легкой возможности манипулировать общественным мнением на теме расширения Европейского союза. В частности, в России не будет возможности столь легко организовывать на этой теме вульгарную политическую спекуляцию и пропаганду (к примеру, даже нарочито путать и подменять понятия Европейского союза, Совета Европы и ОБСЕ).

На взгляд российского либерала, который не видит общеевропейскому единству, включая Россию и СНГ, никакой позитивной исторической альтернативы, в случившемся есть дополнительные плюсы. Для российского массового сознания объединенная Европа — это больше не отдаленная абстракция, не миф, одновременно и привлекательный, и слегка враждебный, это теперь сосед, это — рядом, это — рукой подать, это уже и «наши» «области», где «мы бывали», где «живут родственники». Это обязывает воспринимать действительность по-другому, вести себя несколько иначе. Тем, кто хочет утверждать политическое мировоззрение «России-крепости», сейчас будет это делать труднее, чем в период «подвешенности».

Выступая с такой похвалой, я высказываю мой либеральный взгляд из сегодняшней России и отдаю себе отчет в том, что многие жители обновленного Европейского союза не только приобретут новые возможности, но и столкнутся с рядом проблем в реальной жизни, в повседневности.

Я также с огромной досадой вспоминаю о том, что в середине 90-х годов, когда в США и «старой» Западной Европе принимались кардинальные решения по будущему европейскому развитию, они были приняты наподобие «ялтинской» схемы, и по отношению к России и другим странам СНГ был принят крайне заниженный стандарт отношений, совершенно другой, нежели по отношению к странам Центральной Европы и Балтии, которые сейчас вступили в ЕС.

Ко всему вышесказанному есть еще одна серьезная оговорка. Для того, чтобы сегодняшняя радость не оказалась кратковременным заб-

луждением, чтобы через несколько лет и дальше ощущать историческую правоту происшедшего события и пользу проведенной политико-мировоззренческой и практической работы, надо чтобы обновленный Европейский союз смог соответствовать уровню тех масштабных задач, которые перед ним стоят сейчас и будут стоять в обозримом будущем, чтобы он нашел ответы на вызовы не вчерашнего дня, а сегодняшнего и завтрашнего. Или ЕС всегда будет «на уровне», или его раздерут противоречия и он переживет разрушительный упадок.

Сегодняшняя европейская политическая революция очень сильно отличается от той, которую западноевропейские страны совершали в 50-е годы, когда они создавали Сообщество угля и стали и шли к Римскому договору, и от той, которая произошла в 80-е с Маастрихтским интеграционным прорывом. Раньше — особенно на первом этапе — речь шла о воплощении «консервативно-либеральных» европейских ценностей, о сочетании на индивидуальном и коллективном уровне прагматичной рациональности с нравственной и гражданской ответственностью, о защите жизни, семьи и собственности каждого, о выстраданном историей сочетании свободы и ответственности, о морали как основе политики. Сейчас же мы имеем дело с процессом, где важнейшим действующим элементом стала тяжеловесная бюрократия, а критически важные вопросы сочетания моральной ответственности и свободы в плане как индивида, так и общества в целом решаются на примитивном уровне «политкорректности». Мышление в духе основателей Европейского Сообщества, да и в духе политических авторов Маастрихта, становится в современной Европе, как в «старой», так и в «новой», аномалией и маргинальным анахронизмом. Сохраняется и бурно развивается форма при утрате целого ряда фундаментальных элементов смысла и ответственности. И такой порядок вещей сулит мало хорошего.

К примеру, если внутри Европейского союза наметится серьезное расслоение на те страны, в которых живут преимущественно конечные производители, и страны с увеличивающейся прослойкой прямых или косвенных рантье, то конструкция ЕС может оказаться недостаточно эффективной перед лицом постоянного вызова развития и модернизации. ЕС формировался как разумно нормированное общество, а сейчас (эфтаназия, однополые браки, внезапные всплески крайних настроений) он приобретает ряд исторически новых негативных ненормированных черт, плохо поддающихся банальному анализу и прогнозу. Европейский стандарт цивилизации — огромное достижение истории после Второй мировой войны — может не выдержать этого испытания и деградировать с глобальными разрушительными последствиями.

И здесь, с этой стороны, я хотел бы подойти к теме отношений обновленного Европейского союза и России, имея в виду, что на данный момент парадигма «цивилизационного лидерства» ЕС продолжает работать и практически никем в России не ставится под сомнение.

Возвращаясь к недавней истории, в 90-е годы, приходится сказать, что странам бывшего СССР (за исключением особой Балтии) после его распада в 1991 году никто из мира «другого стандарта» так и не попытался обрисовать какую-либо интеграционную и вообще позитивную перспективу и никто не пытался всерьез выдвигать требования в плане права и экономики. Это при том, что пока СССР представлял собой при Горбачеве пусть и меняющуюся, но все еще коммунистическую сверхдержаву, то политические перспективы для него пытались открывать с Запада очень активно. Это при том, что без СССР (и без Российской Федерации) падение коммунизма в Восточной Европе и освобождение Балтии было бы невозможно. При том, наконец, что один из ярких, ныне совершенно забытый документ эпохи падения коммунизма — Парижская хартия для новой Европы 1990 года четко формулирует философский принцип «единой Европы от Ванкувера до Владивостока» как основу будущих практических солидарных действий.

Но Восточную Европу «взяли на буксир», Россию и СНГ оставили фактически за бортом. Класс постсоветской бюрократии был только рад, что его оставили в покое, наедине со своими собственными народами и дали возможность душить последствия кратковременного либерального прорыва. В России и странах СНГ установилась, мягко говоря, очень двойственная обстановка, но речь сейчас не об этом: политико-бюрократическая ситуация, скажем, Словакии или Хорватии, была вряд ли кардинально лучше российской. Речь о геополитическом решении всего Запада в целом, которое принималось по дешевому принципу «нужен — не нужен» и которое еще ждет своей детальной исторической оценки.

Так вот, когда меня спрашивают, представляет ли Россия теперь, в 1-м десятилетии XXI века, угрозу для кого-нибудь вовне, я хочу ответить, что и нет, и да. Нет — потому что лично я не встречал в России такого сумасшедшего, который реально хотел бы напасть на какое-то зарубежное государство (как не встречал я таких людей в СССР). Да — потому что когда вы имеете два весьма разных стандарта цивилизации, стандарта жизни, две разные системы, — сравнительно несбалансированная, закрытая система всегда несет в себе угрозу для более сбалансированного и более открытого соседа. Советский коммунизм эпохи Брежнева воспринимался демократическим миром как вторая после нацизма опасность свободе не потому, что Брежнев вынашивал план на кого-нибудь напасть, а потому, что важнейшим атрибутом коммунистической власти, ее цементирующим началом была милитаризация индустрии и всего общества, эффективная для решения внутренней задачи удержания власти и сохранения контроля, а вовне всегда готовая по удобному случаю сработать в качестве того ружья, о котором говорил Чехов (по совершенно иному поводу, применительно к правилам построения драматургии театра), что, если оно висит на сцене, то для того, чтобы в какой-то момент выстрелить. Или, более логически корректно

по отношению к нашей теме, как говорят солдатам офицеры советской традиции: «Будьте осторожны с оружием, даже палка раз в год стреляет». Сейчас коммунизма не стало, эффективной советской военной индустрии тоже не стало в ее прежнем виде, но на место милитаризма как цементирующего начала власти и общества ничего не пришло. Это элемент российского стандарта. Об этом в демократический мир, я полагаю, никогда не думали всерьез и не ставили адекватные честные, ответственные и в тоже время созидательные, мирные задачи. И в этом для него и по существу, и по причине отсутствия адекватного отношения к проблеме кроется двойная опасность.

Известно, что просто дружбой с Брежневым проблему опасности иной системы западные лидеры решить не смогли, как не смогли ее решить простой гонкой вооружений. Решение оказалось куда более сложным.

Сегодняшняя Россия, несмотря на свои самые серьезные проблемы, все-таки меньше отстоит по совокупному измерению своих стандартов от Европейского союза или от США, чем отстоял Советский Союз. И решать проблему несовпадения, разнонаправленности сейчас, если хотеть это делать, наверное, легче, чем это было 20 лет назад. Вот было бы честное желание...

Я имею в виду желание тех, кто находится на западе от новой европейской границы и кто, несмотря на все оговорки, на сегодняшний день объективно, по факту, является носителем более высокого цивилизационного стандарта и — позволю себе сказать эту банальность — по факту несет за это определенную моральную ответственность. В процессах цивилизационного развития продвинутое сообщество в состоянии брать на себя роль лидера, буксира по отношению к соседям, и такие процессы, как видно из истории, проходят по подобному механизму. Позитивный результат возможен в случае сильной, но мирной политической воли, основанной на общечеловеческой морали, здравом смысле и компетентности, но ни в коем случае — не на произволе и дурном политическом вкусе.

Россия и страны бывшего СССР особенно нуждаются в привнесении нормы в свою жизнь и в правильном восстановлении мультикультуральности. Советский Союз брежневского типа был очень нормированным обществом, где универсальная норма не только и не столько идеологии, сколько поведения господствовала над всей повседневностью, и при этом, невзирая на крайнюю нормированность, одновременно был обществом мультикультуральным: Таллинн и Бухара в одном государстве — это, безусловно, общество сосуществования исключительного разнообразия культур, при всем идеологическом и поведенческом нормировании, при всей, с одной стороны, тоталитарной нивелировке и при всем, с другой стороны, лицемерии, когда взаимная терпимость носила часто лишь поверхностный характер.

С концом Советского Союза мы стали свидетелями утраты одновременно и доминирующей идеологии, и нормы общественной жизни и

поведения, и многих ракурсов мультикультуральности. В этих условиях проявились с виду неожиданные, опасные общественные эффекты. Один из таких очевидных эффектов — с виду бессмысленное, без казалось бы рационального объяснения, следование даже не за лидером авторитарного типа, а за неким авторитарным образом подчас «виртуального» характера, которое носит никак не идейный, а чисто поведенческий характер, которое основано не столько на реальном принуждении со стороны, сколько на внутренних человеческих страхах, и с этой точки зрения может считаться вполне «добровольным». Другой эффект — крайний индивидуализм, доходящий до массовой, достаточно агрессивной самоизоляции людей от попыток контакта и диалога со стороны, которые они воспринимают как агрессию, вторжение в их закрытый внутренний мир.

Общество, остро нуждающееся в норме, как известно из истории, может принять ее практически любую и из любых рук, оно не обладает большой разборчивостью. Чтобы Россия развивалась позитивно, та норма, которая в нее привносится, должна основываться на свободе, гуманной традиции, праве, открытости, демократической процедуре, сменяемости власти. И сейчас, в плане сегодняшней ситуации в России и ее будущего и в контексте отношений Европейского союза и России, — когда речь идет не об их форме и не об отдельных прагматических фрагментах, а о попытке выработать серьезную содержательную базу таких отношений, в качестве основного встает вопрос о категорическом отрицании норм авторитаризма, ксенофобии и милитаризма как о государственном принципе и России, и всех европейских стран. Речь идет о постоянной работе в этом направлении как в связи с опасностью подобных исторических корней, так и в связи с тем, что сегодняшний мир во всем его многообразии постоянно бросает подобный вызов, будь то внутри России и постсоветских стран, будь то где-то в самом ЕС, будь то где-то достаточно далеко от Европы.

В частности, очень труден, но необходим путь к преодолению сталинизма. Сталинизм как особая «скрытая» идеология и схема межлических, внутригосударственных и межгосударственных отношений вовсе не вполне тождествен советскому коммунизму и большевизму и имеет куда большую историческую живучесть и опасность.

Режим Сталина выступил победителем нацизма во Второй мировой войне. В отличие от гитлеровского режима, сталинский не был побежден и устранен военной силой, а эволюционировал и в известном смысле продолжает эволюционировать сегодня. В силу этих факторов, если Гитлер и гитлеризм в любом вменяемом обществе рассматриваются как абсолютное зло, то Сталин и сталинская модель управления прежде всего в России, но и не только в России, но в какой-то степени почти повсюду в мире, в том числе и в Европе, при всех негативных оценках, остаются как бы в рамках «клуба политических приличий», «дискута-

бельности», «рукопожатности». И происходит это подчас тем в большей мере, чем сильнее уходят в прошлое и в сторону негативной оценки понятия «коммунизм» и «большевизм», — поскольку Сталин действительно выходит за эти рамки, а посредством несложных логических маневров уводятся от них весьма далеко: одно дело — все вместе коммунисты, бессмысленные мечтатели и разрушители веками созданных устоев, другое дело — Сталин и его полководцы, которые победили Гитлера и которые в кратчайший срок создали новую российскую крепость с ее невиданной несокрушимой силой, ту, что в измененном виде продолжает стоять и теперь. История распорядилась так, что Гитлер остался в ней просто бандитом, а Сталин — жесточайшим, но и крупнейшим политиком, емким государственно-философским символом, не уходящей тенью сегодняшнего дня. (Если ФРГ не является полноценным правопреемником гитлеровского государства и не без оснований может утверждать, что не имеет с ним ничего общего, то Российская Федерация не только на формальном уровне сохраняет существенную часть международно-правовой преемственности по отношению к СССР, но и на уровне официальных символов и официальной позиции нередко выводит Сталина и его соратников из-под «слишком сильного» удара истории, пропагандируя отождествление именно с «сильным государством» всего исторически позитивного, что достигалось в СССР, и при этом списывая лично на Сталина или на какую-то считающуюся заведомо одиозной личностью рангом ниже очевидно исторически позорные обстоятельства или же такие факты, по поводу которых есть некоторый риск понести сегодня формальную юридическую ответственность.)

Этот аспект исключительно важен и для России, и для всей Европы в целом, для основ европейского самосознания.

Отсутствие категорической десталинизации России, да и всей Европы, сохранение и подчас лелеяние преемственности тирану в институциональном и в образном плане — это исключительно серьезный тормоз не только российского, но и всего европейского развития.

Однако для этого важнейшего вопроса нет какого-то слишком конкретного решения, тем более спекулятивного и вульгарного. Если массовое сознание на протяжении длительного периода, отталкиваясь в том числе и от реальных фактов истории, училось с той или иной мерой почтения относиться к тирану, привыкало внутренне опираться на его силу, то осознание вредоносности такой жизненной позиции на уровне общества происходит только в результате активного и кропотливого труда тех лидеров, которые ненавидят тиранию, не верят в ее продуктивность и, наоборот, преданы свободе как основе развития общества.

Тирания требует не вялого и двусмысленного, а жесткого безоговорочного осуждения. Без этого невозможно движение вперед. Чтобы сделать это убедительно, требуется свободный от замутнения нравственный взгляд, мужество и деликатность.

В том что касается России, это, разумеется, прежде всего — вопрос о Сталине и сталинизме. Но в рамках европейского сознания, в плане оценки, подобное должно относиться к любой тирании независимо от исторических и географических рамок. И если складывается необходимость выстраивать практические отношения с тиранией такие отношения должны внутренне базироваться на честном осознании ее природы, ее безоговорочном осуждении и защите свободы, и вместе с тем на ответственности за каждый совершенный шаг, чтобы не сделать хуже, чтобы бездумно не подталкивать силу жестокости к поиску новых жертв. Они должны базироваться на намерении рано или поздно освободить жертвы насилия, а не подвергнуть их насилию еще большему. Принципы, свободу следует защищать не просто как ценности, как исходную позицию, но и как конечную цель, и как то средство, без которого невозможно защитить и оградить от опасности каждого конкретного человека.

Рязанская область. Вид на поселок Гусь-Железный через реку Гусь. Лето 2005 г.

Улица в поселке Гусь-Железный. На дальнем плане двое детей везут младенца в деревенской коляске.

Гусь-Железный. Памятник героям Великой Отечественной войны.

Гусь-Железный.
Поселковая больница.

Рязанская область. Город Касимов. Вид на реку Оку с набережной. Лето 2005 г.

В Касимове на автозаправке. Лето 2005 г.

Поселок Тума Рязанской области. Дом на улице Ленина. Лето 2005 г.

Город Покров Владимирской области. Компьютерный центр. Лето 2005 г.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА

Из выступления на семинаре
Центра Улофа Пальме
в Великом Новгороде
20 – 21 ноября 2004 года

Политика – слово очень многозначное, одновременно и с объективным, и субъективным смыслом, и с общим, и с локальным значением в русском языке. Политика (politics по-английски) – это, к примеру, принятие государственных решений. Тот, кто в этом участвует, участвует в политике.

Но человек может этого и не признавать, говорить: я не политик, я просто общественный деятель, – и будет прав, потому что в узком смысле политика – это провозглашение не только каких-то частных целей, но и самых общих целей, касающихся основ общества, и предполагает систематическую ответственность не только за их декларирование, но и за достижение результата, а значит – предполагает постоянную профессиональную работу (не «между прочим») для систематического принятия решений, и в рамках такой работы профессиональное заключение союзов и коалиций как на уровне всего общества, так и внутри групп, связанных с управлением, предполагает борьбу за власть, определенную интригу (хотя последнее может сильно не нравиться).

Политика – это (то, что по-английски policy) линия управленческого поведения, чья угодно линия, например, линия какой-либо государственной власти. Ну, скажем, когда была политическая линия, *политика*, воля на то, чтобы создать гражданское общество в странах Центральной Европы, единая как в руководстве этих стран, так и в Западной Европе, и в США, эта задача была, при всех оговорках и трудностях, решена достаточно быстро.

В России и по отношению к России со стороны Запада такой политики, такой линии и воли не было.

Наконец, политика — это и наш выбор, когда мы идем (или не идем) голосовать.

Если говорить о гражданской общественной инициативе, то она, конечно же, не то же самое, что политика в том или ином узком смысле. Она более конкретна, локальна по своей сути и поэтому, возможно, шире по охвату людей различного плана и убеждений. Если власть, исходя из интересов общества в целом, в том числе из своих корпоративных интересов, своей политической линией не преследует, более того, не игнорирует и даже приветствует гражданскую инициативу, то инициативы, соприкасаясь с такой властью, становятся идейно разнообразными, широкими по числу участников, становятся общественно значимыми и дают начало гражданскому обществу. Гражданская инициатива происходит «снизу», с уровня, как говорят, корней травы, «grassroots». Смысл гражданского общества в том, что много людей по своей собственной инициативе участвуют в гражданских инициативах, понимая, что решение тех или иных проблем зависит непосредственно от их творческих усилий. Гражданское общество направлено на решение проблем, оно созидательно по сути, даже если принимает протестные формы, и ответственная перед обществом (и перед самой собой) власть всегда это осознает.

Гражданское общество означает встречное движение обычных инициативных людей и власти. Ведь важнейшая сфера и ответственность профессиональной политики — это создание атмосферы для продуктивного развития общества. Элементом такой атмосферы является диалог. (Имитация диалога, ритуальные мероприятия, манипулирование, использование с чьей-либо стороны в собственных текущих целях не имеют отношения ни к теме ответственной политики, ни к теме гражданского общества. СМИ также лишь вторичны, а не первичны по отношению ко всей обсуждаемой нами теме. Тем более не имеет никакого отношения к нашей теме политико-бюрократический плагиат, преднамеренное перехватывание идей у авторов с целью передачи на реализацию «своим людям» и «затирки» авторов; из этого никогда ничего продуктивного не получается.)

Правильная в технологическом плане инициатива самой власти гражданскую инициативу заменить не может, ответственная властная корпорация и гражданское общество нуждаются друг в друге.

Насколько можно утверждать, что гражданская общественная инициатива находится вне политики? Можно, наверное, при условии, что авторы и участники инициативы со всей тщательностью не высказывают своих предпочтений в плане всего того, что не относится к ней конкретно. Насколько такое возможно — зависит от многих обстоятельств.

В практическом определении «политики» или «гражданской активности» многое, конечно, субъективно и произвольно и зависит от того, кто и по каким мотивам дает определение (а это делают не на основе тщательных и всесторонних рассуждений).

Руководитель государства может про себя сказать: я не политик,

— в том смысле, что он не хочет быть постоянно вовлечен в управленческий процесс, не хочет во что-то активно вмешиваться без крайней необходимости, а просто стремится лишь смотреть за тем, чтобы все было честно и в порядке.

Смелые люди, которые в Советском Союзе открыто ставили вопрос о нарушении прав человека и международного права, не хотели признавать себя политиками. Они справедливо утверждали, что не участвуют ни в какой интриге, не стремятся осуществить смену властной корпорации, а просто громко говорят правду. Но власть — и не без резона — придерживалась другой точки зрения. Она считала, что эти люди независимостью своих открытых суждений подрывают сами основы ее существования, и сажала их за это в тюрьмы или изгоняла за пределы страны. Как потом оказалось, в своем историческом чутье властная корпорация была права.

Если репрессивная власть считает, что кто-то «влез» на ее территорию, то этот «кто-то», посредством привлечения к нему пропагандистского внимания, сразу же становится политиком, даже сам того абсолютно не желая, даже опасаясь (по моральным причинам или из самосохранения) применения к себе категорий политического плана. Но на самом деле политиком в такой ситуации не перестает выступать именно только сама властная корпорация. И термин «политический заключенный» означает не то, что человек лишен свободы за свою политическую деятельность, а только то, что власть расправилась с ним, руководствуясь своими политическими мотивами действий и решений.

Хочу сказать об одном важном для меня различии между гражданской активностью и политической работой. Политик обязан максимально просчитывать все последствия своих шагов, отвечает за это, — тогда как гражданский активист не несет на себе в такой же мере бремени ответственности за последствия своих действий.

Но понятия, конечно же, широки и переходят одно в другое. Бывают попытки их четко разделить, и они приводят к недоразумениям, к проявлениям гражданской безответственности, если исходят от активных граждан и их сообществ, и к историческим провалам, катастрофам, если исходят от властных корпораций, которые только себя считают компетентными в вопросах общественной важности.

Учитывая сегодняшнюю ситуацию в России, наверное, следует специально остановиться на теме, назовем это «конкордата». Считаю возможным применить этот исторический термин к такой ситуации, когда авторитарная власть, стараясь не во всем вступать в открытый конфликт с инакомыслящей частью общества и вообще с самостоятельными и инициативными людьми, стремится четко очертить, чем можно заниматься по собственной инициативе и (в той или иной мере) помимо власти, а чем — нет. В зависимости от «мягкости», «либеральности» тоталитарной или авторитарной власти, поле для независимости варьи-

руется, но такая власть всегда считает, что оставляет за собой возможность дать немного свободы и возможность взять ее обратно. Такой характер отношений был присущ, к примеру, отношениям между советским государством и основными религиозными объединениями в СССР после 1945 года (Сталин считал непродуктивным уничтожать людей за сам факт религиозных убеждений и сделал акцент на наблюдении за их лояльностью власти). В тех или иных границах правила и рамки сосуществования монополярной власти и инакомыслящих выработаны в ряде стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, в Китае. Это наблюдается и на части пространства СНГ. Результат для развития стран внешне разный, но даже во внешне «успешных» государствах очевидно ненадежный, требующий серьезных перемен.

Среди прочего приходит и мысль об эпохе императора Александра III. Этот царь очень заботился об управляемости государства. И его можно понять: страна огромной территории, с очень плохими коммуникациями, населенная очень разнообразными этносами, абсолютное большинство «простого» населения неграмотно, а образованный слой в значительной своей части стоит в резкой оппозиции политическому режиму, вплоть до «поставок» все новых и новых своих представителей не только в ряды идейных революционеров, но и в отряды вооруженных заговорщиков. Исходя из этого, он очень жестоким образом подавлял все, что касалось попыток изменить его систему правления. Но зато в вопросах благотворительности, здравоохранения, просвещения, местного самоуправления, строительства, модернизации промышленности и транспорта — он дал значительную свободу. Образованный класс получил как бы безопасное для царя независимое существование и занятие. И были быстро решены многие важнейшие государственные вопросы: создана система широкодоступного здравоохранения и начального образования, заработали суды присяжных с высокой адвокатской культурой. Империя покрылась сетью железных дорог, которая работает и поныне. Выросли многие университеты и технические училища европейского уровня. В империи и вокруг нее не было войны. Казалось бы, путь к историческому успеху. Но оказалось, что наоборот. Свободолюбие не допускалось до стержня политической системы, и основы линии царя не подлежали обсуждению, и это обстоятельство привело к тому, что на важнейшие правительственные должности, в том числе на военные, подбирались не передовые специалисты, а люди, преданные царю. И вскоре после смерти Александра III Россия из-за некомпетентности такого типа руководителей попала в тяжелейший военный и политический кризис войны с Японией, людских потерь, утраты военной мощи и территорий, вооруженного социального конфликта.

Вообще, все политическое сословие, и прежде всего исполнительная власть, ее корпорация, команда, несет ответственность за управление государством и за его управляемость, за контролируемость в том смыс-

ле, чтобы какая-либо острая ситуация вдруг не стала развиваться стихийно, с опасностью для очень многих людей. Это огромная и не выдуманная ответственность, и всегда следует помнить, что политический лидер, будь то монарх, президент, глава правительства, даже лидер или участник организованной оппозиции парламентского характера, или участник общественного движения с широкими задачами, затрагивающими общенациональные и международные интересы — это не то же самое, что обособленный гражданский активист отдельно взятой идеи. Вопрос, где и когда лежат какие приоритеты, в какой момент забота о текущем управлении является действительно приоритетной, а в какой момент она пагубна, где моральная (и рациональная) граница допустимой приоритетности заботы о текущем управлении перед лицом других важнейших рисков и где граница применяемых средств, за которой они не оправдывают даже самую искреннюю и верную «общегосударственную» или иную коллективную цель.

Если власть ставит «управляемость» отдельно и выше интересов граждан, если она считает себя ответственной не за граждан, а лишь за управляемость, она имеет в краткосрочной и среднесрочной перспективе шанс на некоторый успех своей линии, но в долгосрочной перспективе такую власть ожидает крах всей создаваемой ею системы.

Чтобы был шанс создать гражданское общество, необходима одна предпосылка: должно быть общество. Должна быть страна индивидуальностей, страна, возможно, индивидуалистов, заботящихся о себе, но способных в каждом другом активно уважать равного себе по человеческой природе, способных на доверие совместно со здравым смыслом, не воспитанных всеми окружающими обстоятельствами и длительной практикой в том духе, что единственный способ выжить — это врать и не верить. У людей и в обществе есть место радости и печали, смеху и слезам, но лицемерная насмешница с искренне трагическим лицом никакого оптимистического будущего не имеет.

С этим большие проблемы не только там, где многие поколения привыкли жить и выживать по авторитарным или тоталитарным правилам. Во многих странах традиционной демократии последнего полувека на месте соединения гражданственности и ответственной политики оказывается корпоративная система отношений между людьми, вопросы гражданской и политической ответственности решаются технократически, по-менеджерски, основанные на морали стратегические задачи уходят на далекий план.

Возвращаясь к России и к нашим условиям общественного существования, нам не дано инструмента своей волей или своей энергией менять ход истории. Но, как говорит один мой друг, в такой ситуации свободные люди должны не переставать, кто как умеет, расставлять на своем пути флажки, отмечая ту часть дороги, которая остается свободной. В этом шанс не только не проиграть полностью, но и добиваться победы.

ОПЫТ ПОЕЗДКИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ В СВЯЗИ С ТЕМОЙ ЧЕЧНИ

Опубликовано в электронном
журнале «Релга»

Военный кризис в Чечне, которому не видно конца и края, длится уже больше десяти лет.

В кровавой и уродливой форме имеет свое продолжение то, что случилось в СССР, когда отказались от политики тотального контроля за территориями, а взамен не смогли ничего придумать. После того как СССР распался, Россию, которой угрожало то же самое (правда, положа руку на сердце скажу, что, по-моему, угроза была в тот момент, в начале 90-х, не столь уж велика), вместо того, чтобы аккуратно сшивать ее нитью понятных гражданам разумных и рациональных решений, стали делить на феодальные вассальные вотчины и одновременно стали подавлять силой, не останавливаясь ни перед чем, те проявления «снизу», которые выходили за рамки феодально-вассальных отношений, и в такой методологии видели способ сохранения государственности.

Сказать на эту тему что-то свежее очень трудно в том числе и по той причине, что за это длительное время у очень многих из нас, кто следит за происходящим лишь от события к событию, через призму СМИ и урывками, сформировалось свое, достаточно фригидное и сугубо личное отношение к происшедшему за это время и происходящему сейчас, такое отношение, которое пренебрежительно к фактам, облекается в поверхностную идеологию или, что хуже, в подсознательную иронию над трагедией, которая стала «триллером» и которую остановить ни в чьих человеческих силах.

В нашей стране дискуссий на тему Чечни сейчас больше нет, и это плохо, это значит, что ничего серьезного в области этнорегиональных

отношений в ближайшее время выработано и решено не будет, разрастающиеся болезни будут продолжать загоняться внутрь, а потом, когда-нибудь, решать вопросы по существу будут не эксперты и управленцы, а толпы возмущенных людей. Северный Кавказ — это не Украина и не Киргизия, даже не Грузия. Неумение и нежелание руководителей сначала Советского Союза, а потом России ориентироваться в сути подобных вещей привело к тому, что мы имеем сегодня. Упорство в нежелании рассматривать вопросы по существу, а не с демонстрационно-пропагандистской точки зрения (кстати, вообще, любые вопросы общества) неминуемо будет вести не к модернизации, а к деградации общества.

В отличие от России, в странах Европейского союза нашу ситуацию пытаются понять, хотя мы от своих проблем отрециваемся, не хотим назвать своими именами, а когда нам говорят, что у нас в доме пожар, мы обижаемся и восклицаем, что к сору в нашей избе никого не подпустим, даже если он загорелся и грозит все вокруг спалить.

Впрочем, никак нельзя сказать, что в Брюсселе и Страсбурге, в условиях их ресурса открытости и экспертных возможностей, к проблемам России, своего ближайшего огромного соседа, относятся на надлежащем по таким условиям уровне ответственности. Политический «тяп-ляп» берет верх как раз тогда, когда действительно можно сделать что-то полезное.

Мне пришлось в октябре прошлого года участвовать в такой попытке привлечь внимание политической Европы к теме Чечни (и, возможно, к более широкому кругу тем), которая была предпринята в Европейском парламенте. Момент был политически удачный: только что состоялось расширение Европейского союза, граждане выбрали новый состав Европарламента, и он только-только начал свою работу. После бесланского кошмара прошло уже два месяца, и в момент сбора для дискуссии в Страсбурге, при всей трудности любого такого мероприятия, можно было попытаться начать действительно серьезный и продуктивный разговор, который бы расширил внимание к проблеме и поднял уровень внимания к ней до тех людей, которые напрямую влияют на политику, формируют подход к важнейшим мировым проблемам, с которым все так или иначе должны считаться. Можно было создать так называемую «интергруппу», которая была бы постоянно действующей и наделена официальным статусом в Европарламенте, которая могла бы начать выработать конструктивную позицию, приемлемую для всего Европейского союза и способную быть воспринятой в России.

Увы, ничего такого в очередной раз не вышло, практически все ушло «в песок». И случилось так потому, что организаторы встречи пытались решить заведомо противоречивую задачу: с одной стороны, они говорили, что хотят привлечь к участию как можно более широкий круг людей, а с другой — во всем старались чем только можно помочь стороне

чеченских сепаратистов, — хотя совершенно очевидно, что их позиция, мягко говоря, не единственная и не может считаться добросовестной даже при схематичном подходе «издалека».

В результате на встречу почти никто не пришел, тем более — это политическая жизнь, — что в это время выступил с относительно важным заявлением председатель Европейской комиссии, и депутаты все как один побежали к телекамерам комментировать сенсацию однодневного масштаба. Знал бы я, что будет так, не поехал бы. Но поскольку уже там оказался, то пришлось, при определенной поддержке радикального и успешного, но мирного лидера литовских сепаратистов конца 80-х — начала 90-х, а ныне депутата Европарламента Витаутаса Ландсбергиса, высказать ряд соображений, выработанных, увы, за достаточно длительное время наблюдения за реализацией идей сепаратизма, нашего доморощенного империализма и за следствиями, которые из этого вытекают.

Соображения, которые я считал новыми и неизвестными широкой общественности, пришлось перемежать с тем, что стало уже абсолютно банальным, но, увы, никак не потеряло от этого актуальности.

Поскольку слушателей у меня оказалось крайне мало, а перспектива повторить сказанное в более широкой аудитории не просматривалась, то я записал свои тезисы и разослал их друзьям, которые интересуются теми темами, которые я затронул.

Кто знает, может быть, и читателю «Релги» это будет интересно. Заранее прошу прощения за своеобразный стиль текста.

Тезисы выступления на собрании в Европарламенте, посвященном теме Чечни, октябрь 2004 года

1. Осуждение войны, политики федерального центра и действий войск.
2. Необходимость поиска мирного решения через плюрализм и открытость.
3. Осуждение терроризма как первого из зол: терроризм не есть неизбежное применение силы, терроризм также не есть спонтанное проявление психологического выхода эмоционального стресса, терроризм — это продуманная линия, направленная на то, чтобы добиться политических целей путем избирательного применения силы против мирного населения, и такая линия ставит себя и вне политики, и вне войны.

4. Оперативная и стратегическая борьба с терроризмом требует прежде всего заботы о жертвах и преодоления явления терроризма как такового во всей его природе; наказание террористов или же абстрактная защита государственности и престижа государственной власти, «чья рука не дрогнет», не может являться главным приоритетом. Обязательная приоритетность демонстрации силы — кощунственный популизм со стороны государственной власти.

5. «Советская» тоталитарная природа всех противоборствующих сторон: все жулики и все хотят по максимуму, победа или поражение.

6. Коррупция как фактор: отсутствие реальных целей с обеих сторон, или же несоответствие реальных целей провозглашаемым.

7. Независимость, даже если какая-либо территория имеет на нее право с исторической, правовой и политической точек зрения, может быть обретена только в рамках процесса. Самопровозглашение и независимость — совершенно не одно и то же; сепаратисты должны хорошо это понимать. Те, кто намерен управлять территорией, претендующей на независимость, должны представить хотя бы на базовом уровне доказательства своей способности нести бремя политической власти в рамках мирных демократических процедур с соблюдением прав личности. Тезис «дайте нам независимость, потому что оккупанты нарушают у нас права людей» нельзя считать состоятельным.

8. Постсоветский руководитель «путинской» формации имеет веру в самоценность государственности, корпорации, и в этом смысле политически не одинок: многие в мире ради государственной или корпоративной «сакральности» готовы пожертвовать очень многим. Такого же типа психология у сепаратистских деятелей, и в этом безысходность.

ПОЧЕМУ, С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, НЕЛЬЗЯ ОТМЕНЯТЬ ЛЬГОТЫ ТЕМ, ЧЬИ ВОЗМОЖНОСТИ ОГРАНИЧЕНЫ

Когда сейчас ответственные руководители государства говорят о возможности замены многочисленных, предусмотренных на уровне законов и инструкций натуральных льгот слабым и неимущим людям на денежные выплаты, а кое-кто из таких людей готов поддакивать подобным предложениям и соглашается, скажем, живя на пенсии в городе, вместо бесплатного проезда городским транспортом получить лишние триста рублей в месяц, а еще сколько-то — вместо бесплатных лекарств, то речь идет ни о какой не о свободе, а о безответственности, а также о крайнем недоверии граждан своему государству.

Льготы — это, с одной стороны, гарантии государства по отношению к слабым, по отношению к наиболее незащищенным категориям граждан, а с другой стороны — это ограничение свободы этих граждан, как и вообще все, что относится к области натуральных социальных гарантий. И это совершенно необходимое ограничение свободы, которое защищает общественный интерес от внезапных беспорядочных и «авраль-ных» требований помощи и поддержки со стороны внезапно оказавшихся в беде и в нужде граждан. Такие требования, даже если они никак не предусмотрены заранее по времени и никак не оговорены в государственном бюджете, все равно будут законными: гарантии помощи нуждающимся предусмотрены Конституцией, и нравственно государство всегда отвечает и за всех слабых, и за толковых и предусмотрит-

тельных, и за всех других. Но деньги не берутся ниоткуда, и поэтому государство вправе сказать гражданину: ты потенциальный потребитель помощи, в том числе и экстренной, поэтому часть твоих денег, на которые ты формально имеешь полное право «в натуре» мы забираем на заботу о тебе, когда тебе будет нужна забота, а не деньги. Это касается всех, но особенно — группы риска по возрасту, профессии и т.д. Натуральная социальная льгота, в своем разумном качестве, (речь, естественно, не о статусных льготах, которые к этому не имеют никакого отношения) — это механизм взаимного гарантирования граждан и государства от нештатных ситуаций, в которых пострадавшим в итоге всегда окажется гражданин, а морально и юридически ответственным — государство.

Конечно, формально неработающий пенсионер может сказать: я сейчас здоров, и никуда из дома не выхожу, и не нужны мне ваши бесплатные лекарства и бесплатный проезд, дайте мне лучше лишние сто рублей в добавок к пенсии на подарки внукам. Что-то подобное вправе сказать и, например, гражданин, работающий на вредном производстве, и, например, мать-одиночка. Но государство должно все просчитать и ответить: уважаемый гражданин, мы верим тебе, но когда ты все подарки внукам сделаешь, ты с нас все равно вправе потребовать заботу, а достаточного ресурса на нее уже не будет. А кроме того, льгота — она на то и льгота, что состоит не только из того небольшого, что вычтено лично у тебя, но и из существенных в своем соотношении поступлений от налогов от совсем других людей, которые заплатили их именно для того, чтобы с тобой не случилось нештатных, неудобных жизненных ситуаций. Поэтому тебе, уважаемый пенсионер, будут не деньги на что-то вроде дополнительных подарков внукам, а именно бесплатные лекарства, именно бесплатный проезд, скидки на коммунальные услуги, телефонную связь и т.п. Мы, государство, не вправе рисковать тобой. От твоих трудностей и на случай происшествий с тобой мы, общество, страхуем, разумеется, в первую очередь тебя самого, но также и самих себя.

Но, мы, государство, тебя не обманем, все выполним точно, как обязаны. Ты можешь нам доверять. Вот если будет так, если будут сделаны хоть какие-то шаги в сторону установления доверия граждан к государственным социальным институтам, то, я думаю, сегодняшняя «дискуссия о льготах» перестанет быть актуальной.

ЗАПАД – ВОСТОК: ГОДЫ ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ, ДЕВЯНОСТЫЕ, ДВУХТЫСЯЧНЫЕ

Написано по просьбе
Фонда имени Генриха Белля

О тношения стран Западной Европы и Советского Союза в 60-е – 80-е годы XX века характеризовались, если можно так сказать, стандартом взаимного уважения силы и мощи. СССР, выступая с позиций политики железного занавеса, не мог при этом не признавать динамизм и эффективность западно-европейских экономик, защищенных военным союзом с США, и не мог отрицать реальности европейской интеграции. Подспудно лидеры СССР признавали эффективность всей западно-европейской политико-экономической системы и строили свои отношения с лидерами Франции, ФРГ или Великобритании исходя именно из этого непреложного факта. И, напротив, недоверие к Советскому Союзу как к политической системе, страх перед его намерениями уж точно не означал пренебрежения позицией советских лидеров или же презрительного отношения к народам СССР. Негативное восприятие СССР вовсе не означало отсутствия интереса к нему в политически активной среде, напротив, интерес был велик. Ощущение значения советского феномена во всем его многообразии было уж точно неоспоримым и неизбежным.

Резкие обострения в отношениях советской бюрократии и Запада сменялись периодами «разрядки», и последняя «разрядка» – при Горбачеве – обозначила качественное изменение отношений СССР с Западом вообще и с Западной Европой в частности. Стало возможным всерьез говорить об окончании «холодной войны», а инициированный в момент одной из бюрократических «разрядок» «хельсинкский общев-

ропейский процесс», к неожиданности для многих, стал приобретать содержание по существу, принимать реальные очертания и получил шанс трансформироваться из бюрократической области в содержательную. О партнерстве СССР и Запада заговорили всерьез, и это отнюдь не воспринималось как демагогический трюк. Подписанная в 1990 г. «Парижская хартия для новой Европы» выглядела как практический шаг перехода к политической идеологии «большой Европы от Ванкувера до Владивостока».

Однако дальше события приобрели совершенно другой оборот. Советский Союз, в силу своих внутренних причин (несоответствие системы управления новым стратегическим задачам), в 1990–1991 гг. пережил не созидательные преобразования, а коллапс, и на политической карте на месте огромного объединенного мультикультурального пространства появилось много территорий, где доминирующими становились очень различные, вновь формирующиеся традиции, и для каждой из которых стояла задача так или иначе сформировать новое государство, начиная в чем-то с нуля. Период «перетаскивания камней» советского дома, перекладки фундамента стал очень болезненным, привел к многочисленным жертвам. Он не закончен до сих пор. Для всех его участников вопрос стратегии оказался крайне затруднительным: слишком по-своему каждый стал понимать вновь возникшие условия.

В такой ситуации особую роль и значение приобретала позиция Запада. Коллапс прежде могущественного соседа, его неизбежная, по крайней мере на время, политическая и экономическая провинциализация — представляли собой очень серьезный вызов и западной политической мысли, и западной практической политике. К сожалению, распознали этот вызов очень немногие. Большинство же либо отстранилось, ощутив простое облегчение от того, что с Востока больше не может угрожать хорошо организованная сила, либо надолго впало в странное состояние смеси эйфории от антикоммунистической риторики «новых лиц» в Москве и одновременно страха перед откуда-то взявшейся многочисленной «русской мафией».

Ситуация, когда в Таджикистане и Закавказье война, в Узбекистане и Туркменистане сажают по политическим мотивам, а в России инфляция в несколько тысяч процентов, кем-то на Западе воспринималась безразлично и отстраненно, как их не трогающая, а кем-то даже оптимистично из-за случившихся кардинальных перемен и «в свете будущего прогресса». Ельцину аплодировали за его решительную борьбу с внешними последствиями коммунизма и давали неограниченный кредит доверия на решение задачи искоренения признаков советского прошлого, но об «общеевропейском доме» и «Европе от Ванкувера до Владивостока» перестали вспоминать сразу же после крушения СССР. В сфере реальной политики сформировавшегося тогда Европейского союза стала превалировать совершенно иная, более практичная парадиг-

ма, которая — схематично — состояла в том, чтобы расширить западные политические и экономические структуры до бывшей советской границы, а обо всем, что лежит дальше на Восток, забыть в плане каких-либо глубоких задач политической и экономической интеграции.

Развитие ситуации в постсоветских государствах, позиция их лидеров и постсоветских политических элит такому отношению, конечно же, только способствовали. В первую очередь, с учетом международно-правовой, геополитической и исторической роли, сказанное относится к Российской Федерации. Перенявшее «кремлевскую эстафету» у правящего слоя СССР новое руководящее сословие России во главе с Борисом Ельциным состояло из трех основных групп: там присутствовали реакционеры с имперскими вкусами, там были технократы, решавшие задачи своих ведомств, и, наконец, многие ответственные позиции получили ранее подвергавшиеся в СССР преследованиям или подавлению люди из либеральной интеллигенции — активисты защиты прав человека, публицисты, представители мира науки. Но главное — там оказалось очень много просто случайных людей. Все были под сильным впечатлением стремительности того, что случилось с Советским Союзом, и многие люди антикоммунистических воззрений видели задачу нового государства (и свою собственную) в том, чтобы путем, возможно, очень резких движений быстро создать экономическую основу и идеологию нового российского государства на основе отрицания коммунизма и борьбы с ним. Представители коммунистических и имперских взглядов вовсе не собирались сдаваться. В России быстро сложилась острая конфронтация, которая сопровождала экономический и социальный шок. При этом практически все известные на тот момент политически активные группы обращали свои взгляды не вперед, в поиске, куда идти и как это делать, а назад, вели общественную дискуссию не о будущем, а об истории. Это отодвинуло Россию от реальных общественных экономических и политических процессов. В «новой» России было два варианта, как поступить с наследием советской коммунистической истории: либо провести официальную «декоммунизацию» с провозглашением коммунистической партии ответственной за преступления и категорическим отказом от всех остатков коммунистической символики в государстве, либо — если на первое не было сил — не «вертеться» на государственном уровне вокруг призраков прошлого, давать остыть страстям, делать постепенно жизнь лучше и указывать ориентиры в будущее. Новое руководство России оказалось не готово ни к тому, ни к другому. Оно пыталось заниматься и тем, и другим, и третьим, и четвертым, администрируя по-советски, беспорядочно, фрагментарно, оставаясь все время в сиюминутных тактических рамках. На практике получалась смесь ультралиберальных прозападных лозунгов с советской системой примитивного закрытого и мелочно-авторитарного управления на всех уровнях, на заметном империалистическом фоне.

Показателен эпизод февраля 1992 г., когда Борис Ельцин неожиданно и очень резко «поставил на место» с русских националистических позиций движение за возрождение автономной республики Немцев Поволжья (в момент, когда общество, казалось, было готово принять идею восстановления как единственно справедливую, он безапелляционно заявил, что прежней республики не будет, а потомки высланных с Поволжья немцев, если они захотят в массовом порядке вернуться ближе к родным краям, могут получить для заселения территорию военного полигона). Такой оскорбительный поворот не встретил никакого политического отпора: жизнь шла в рамках «кредита доверия» Ельцину, да и сработали «практические интересы»: в Германии, наверное, больше хотели видеть возвращение немцев на исходную историческую родину, нежели восстановление справедливости к ним в России. Заговорившее было в полный голос Движение российских немцев быстро замолчало, и это стало существенным сигналом того, что в «новой России» возможна политическая реакция.

Политика «кредита доверия» со стороны Запада означала реально самоустранение элит от России и бывшего СССР, перепасовки этой темы внутри западных интеллектуальных кругов от ключевых центров к маргиналам, а в практическом плане — построение западными лидерами личных дружественных, эмоциональных отношений с Ельциным и его ближайшими представителями при пренебрежении и игнорировании многих, идущих «снизу» «интеграционных» запросов граждан России и других постсоветских стран. Гражданам скармливали дипломатические фантазии и округлую неправду. Руководство большинства новых стран не пыталось обрисовать какую-либо стратегическую перспективу, и внешний мир также не пытался это сделать. Ни гражданам, ни государствам в целом в самых трудных для каждого и для всех вместе вопросах правовой и экономической трансформации почти не оказывалась экспертная помощь (то, что ею называлось, реально нередко оказывалось проявлением авантюризма). Добавим сюда очень малые объемы благотворительной помощи, ничтожность объемов и неудобоваримость формы финансирования проектов гражданского общества, очень большие ограничения в вопросах предоставления временных легальных рабочих мест, быстро поднявшийся визовый барьер и т.п.

В основе политики «кредита доверия» лежал отстраненный цинизм, смешанный с безответственно отстраненной «надеждой на лучшее», когда дело касается не тебя, а кого-то другого. Потом от поверхностных краткосрочных «надежд на лучшее» остались развалины, а цинизм продолжал и продолжает делать свое дело, заставляя сегодняшних ключевых лидеров ЕС строить свои отношения с нынешней Россией на основе корректных рукопожатий с руководителями и чиновниками, — чтобы добиться от них «взаимной выгоды». При этом по отношению к обычным российским гражданам (как к белорусским, узбекским, таджикским, ка-

захстанским, так и к украинским, молдавским, грузинским, киргизским) выказывается «презумпция недоверия», а сколько-нибудь широкое внимание к постсоветскому пространству возникает лишь тогда, когда если речь идет о крупных скандалах или об очередной политической революции.

И нет ничего удивительного в том, что через пятнадцать лет после крушения СССР оказалось, что отлитый и закаленный за семьдесят лет гаечный ключ советской коммунистической системы управления спрятан недалеко, а чаще всего по-прежнему в работе и, несмотря на все изменения стиля жизни и экономического уклада, способен, не рассыпаясь сам, функционировать только в одном направлении — на завинчивание.

* * *

Четырнадцатилетний срок после 1991 года вместил в себя очень много событий, некоторые из них радостные и логичные, многие — глубоко трагичны и нелицеприятны. Срок исторически невелик, ни одна страна или территория не может за такое время измениться радикально. Но все-таки такой срок — уже не просто политический период, он уже на грани измерения политического и исторического. И большинство событий (даже весьма недавних) при всей своей масштабности перестали вызывать у большинства людей активный психологический отклик и успели перейти из сферы общественной жизни в интересующую лишь немногих область «современной истории».

Но дело не только в сроке. Глобально, и в России в частности, наблюдается «деструктуризация» исторического и политического мышления, когда для людей разного места проживания, разного стиля жизни и разного уровня достатка настолько психологически актуальна проблема их личного выживания, что на этом фоне абсолютное большинство мало-мальски усложненных обобщений теряет свою актуальность. Соответственно, теряет актуальность ощущение личной ответственности за происходящее в обществе и падает интерес к сколько-нибудь абстрактно поставленным общественным проблемам.

Эпоха примитивной глобализации несет с собой утрату не только глобальной политической повестки дня, но и многих важнейших региональных и национальных идей.

Как один из результатов — повсеместное появление «тефлоновых» политических режимов, которые решают задачу собственной устойчивости практически вне контекста политических и экономико-социальных результатов своей деятельности.

В России середины 2005-го все это чувствуется очень остро. Как и в советские времена, абсолютное большинство граждан ощущает прямую связь между своим выживанием, сохранением минимума бытового благо-

получия, и конформизмом своего поведения в том, что касается общественной проблематики. Эта инерция массового советского сознания, разумеется, не пропала после падения коммунизма, и не могла исчезнуть в стране, где практически все взрослые люди родились и выросли в советских условиях. Но, как известно, при президенте Путине советская инерция умышленно активно культивируется «сверху», используется как фактически единственная психологическая основа управления и контроля над ситуацией. (В рамках этого — молодое поколение активно приучается к «light Soviet».)

Происходит это одновременно с кардинальным падением авторитета Запада, с утратой политических надежд и потерей ощущения незыблемости и прогресса американской и европейской экономических систем. Но в очень разных слоях российского общества наблюдается, подчас весьма парадоксальным образом и не связанное с чьим-либо авторитетом, понимание того, что открытое общество и свобода необходимы для развития страны, но не имеют в этом смысле никакой альтернативы. И такое понимание не в силах остановить ни сегодняшняя руководящая «неономенклатура», ни девальвация «западного примера».

Сегодняшнее осознание в России свободы и открытости не имеет прямого отношения к выборам, не означает сигнала к каким-то практическим переменам, которые могут произойти «снизу». Это более глубокий и эволюционный процесс, хочется надеяться, более основательный.

Если бросить взгляд на будущую обозримую перспективу, ближайшие лет десять, то поводы для оптимизма есть. Вопрос только в том, не опередят ли репрессивные или же абсолютно деструктивные процессы формирование новой демократической интеллигенции, которая сумела бы восстановить преемственность с либеральным вектором российской традиции до 1917 года и лучшими традициями европейской и мировой культуры.

КОЕ-ЧТО ОБ ОБЩЕСТВЕ И ВЛАСТИ

Ноябрь–декабрь 2005 года

В России, где большинство населения воспитано в 50-е — 70-е годы, крайне трудно объяснить разницу между гражданским и корпоративным поведением.

Советский Союз создавался как строго корпоративное государство, само гражданство в нем представлялось как знак лояльности начальству и его идеологии, как стартовая позиция к вступлению в КПСС, и кто открыто не принимал такой интерпретации, становился «отщепенцем», диссидентом. (Напомню, гражданства можно было и лишить за резкое отступление от государственного курса.)

Тот факт, что этого корпоративного государства не стало в 1989—1991 гг., объяснялся массовым скрытым присутствием в СССР «несоветских» элементов (элемент — в данном случае употребление корректного по смыслу слова и термина советского языка случайно совпадают). Это были на уровне массового сознания Прибалтика, Армения, часть Молдавии, значительная часть Украины, а в остальных частях СССР, включая Россию — те люди, которые застали и запомнили реальность до октября 1917, внутренне не признали правоту советской власти (по крайней мере, сталинского периода) и с этим свидетельством случайно выжили в годы репрессий и в войну. Или близкое к ним первое послеоктябрьское поколение. А еще — эмиграция первой волны. На рубеже восьмидесятых — девяностых люди такого плана были многочисленны и активны. Они молчали или не были слышны длинные советские десятилетия, но, когда появилась возможность, громко сказали достаточно правды, чтобы непривлекательная советская государственная ложь не устояла.

Сейчас людей этого поколения и этого плана почти не осталось. Речь не только и не столько о знаменитостях, речь о том, кто бабушки и дедушки. Сегодня они — комсомольцы 50-х. Сегодняшний средний чиновник не слышал на съездах пусть и во многом фальшивых, но культурно значимых речей действительно выдающихся деятелей «многонациональной советской культуры», выросшей из дореволюционной русской. Сегодняшний чиновник, в переносном смысле (а часто и в прямом) воспитан на мелкой советской попсе, на бесвкусице и цинизме, который поощряет примитивную субординацию, но даже ее обесмысливает. Этому чиновнику, — и огромной части сегодняшних граждан, — невозможно объяснить, в чем разница между гражданами и работниками канцелярии или банка, почему граждане страны имеют право объединяться и протестовать, тогда как те, кто, скажем, добровольно пришел работать за зарплату в «Газпром», внутри компании не имеют на это права. Гражданство для них — это свод дисциплинарных обязанностей.

На самом деле, общих для всех граждан обязанностей всего две: соблюдать закон и защищать страну от реальной и полномасштабной агрессии внешних врагов. Президент — это не директор, который дает заплату в обмен на выполнение поручений. Это человек, избранный большинством для защиты прав и безопасности всех. Оппозиция (меньшинство) может требовать смены власти, но власть, действующая от имени большинства, не вправе вмешиваться в структуру оппозиции, поощрять ее или наказывать, создавать «новую», более «эффективную» оппозицию.

Ответственность и забота власти — это стабильность страны и общества, но эта задача решается ответственной аналитической работой и диалогом с представителями реальных интересов и мнений, стоящих в рамках Конституции, международных обязательств страны, в рамках общепризнанных норм морали. Государство — это не фабрика, не учебное заведение и не войсковое соединение. Гражданство — это не служба, не работа, не свод обязательств. Развитие отдельно взятой фабрики и страны в целом достигается очень по-разному. Общество граждан, если оно хочет иметь шанс развития, не должно быть коллективистским и максималистичным, в этом обычно и бывает лицемерие. Общество граждан не имеет перед собой задачи единомыслия и единых правил поведения, оно имеет перед собой, казалось бы, минимальную, но на самом деле очень трудную, трудоемкую для всех и ответственную задачу соблюдения баланса разных интересов в рамках стабильности и минимальных норм морали.

В смысле опасности политических преследований сейчас (2005 г.) в России, конечно же, не Советский Союз. За оппозиционные взгляды, высказанные частным образом, вряд ли кто-то кого-то тронет, просто не позволят им стать общественно значимыми. Но здесь и кроется одна из основных проблем создания в России общества граждан.

Повторим, сейчас управляют и составляют большинство советские люди, но поставленные в новые условия. В конце восьмидесятых — начале девяностых годов большинство из них поддерживали перемены, но не потому, что видели в свободе и гуманности важнейшую общественную ценность, а потому попросту, что их в поверхностном смысле привлекал пример запада, где жизнь «клевая», где все везде можно купить, и в плане организации для себя этой самой стильной жизни в рамках своих мечтаний эти люди сейчас вполне преуспели. Сегодняшняя мера открытости России и сегодняшний характер ее развития их вполне устраивает, а идиосинкразия к вранью, беззаконию и недобросовестному заработку к числу их качеств не относятся.

В плане открытости Россию с СССР не сравнить, Россия — часть мира, и в советском укладе своей психологии она перерабатывает сейчас уже не только и не столько свое собственное наследие, но все то, что происходит в окружающем мире. Мечты «стилевой» оппозиции коммунистической власти сбылись на 250%. В смысле «Рублевка-лайф», который к демократии никакого отношения не имеет, в России можно все.

Но без признания европейской демократической цивилизации в ее лучших гуманных образцах главной и единой государственной программой России страна так и останется обществом вымирающих фабрик, дивизий и ночных клубов.